

Тан Юйхуэй показалось, он лишь прикрыл глаза, но открыв их, понял, что уже утро. Как только солнечный свет коснулся его сетчатки, Тан Юйхуэй растерялся — где он? — и уже не мог думать ни о чём другом. Такова была его натура: задавшись вопросом, он жаждал тут же найти ответ. Моргнув второй раз, глядя на окно над головой, Тан Юйхуэй осознал текущую ситуацию. Нарушение университетской этики, академический отпуск, изгнание, Гардзе, весна, Кан Чжэ... События выстроились в логическую цепочку. Тан Юйхуэй вспомнил, что напился, и голова снова заняла.

Без причины, словно рефлекторно, ресницы Тан Юйхуэя коротко дрогнули. Такие его жесты несли в себе особую прелесть юности, напоминая первый трепет молодого зелёного листка, омытого дождём. Тут же образы, хлынувшие потоком, словно проливной дождь, забарабанили по нервам Тан Юйхуэя. Ячменное вино, речная вода, холодное ограждение и луна над горным хребтом... Связь между этими образами ещё не прояснилась, но Тан Юйхуэй уже невольно поджал губы. Ощущение было такое, будто к его коже прижали ледяной глазурированный камень. Тан Юйхуэя пробрала дрожь, и он окончательно проснулся. Уставившись на пылинки, купающиеся в утреннем свете, он очень медленно моргнул ещё раз и зарылся в одеяло.

Промешкав почти час, Тан Юйхуэй нехотя поволок своё тяжёлое тело вниз по лестнице. Он впервые так долго разглядывал себя в зеркале, пытаясь честно встретиться взглядом со своим отражением и выглядеть как можно естественнее, словно ничего не происходит. Он упражнялся, пока собственное лицо не показалось ему чужим и невыразительным. Кажется, это не помогло. Спустившись, Тан Юйхуэй увидел Кан Чжэ.

Свет вокруг стремительно померк. Когда их взгляды встретились, Тан Юйхуэй на мгновение вспомнил своё бледное, съёженное отражение в зеркале и тут же отвёл взгляд. Поведение Кан Чжэ, казалось, ничем не отличалось от обычного, он спокойно поприветствовал Тан Юйхуэя:

— Доброе утро.

Тан Юйхуэй неестественно поднял руку, его горло немного пересохло:

— Доброе утро.

Кан Чжэ подошёл и встал перед Тан Юйхуэем:

— Как отдохнул? Голова ещё болит?

Тан Юйхуэй глубоко вздохнул, поднял голову и почти героическим усилием заставил себя посмотреть на него:

— Нормально... Немного болит, но уже гораздо лучше.

Кан Чжэ со странной усмешкой скривил губы:

— До сих пор пьян?

Эти улыбка и слова вызывали головокружение, словно он снова оказался под муссонным ветром ночью в степи. Тан Юйхуэй, чувствуя головную боль, сказал:

— Уже нет... Ты только это и умеешь спрашивать?

Кан Чжэ вскинул бровь и с некоторым удивлением воскликнул:

— Ты, оказывается, помнишь!?

Тан Юйхуэй избегая его взгляда, опустил голову:

— Ты бы предпочёл, чтобы я забыл?

Кан Чжэ ничего не сказав, протянул руку, взял Тан Юйхуэя за подбородок и поднял его опущенную голову. Подушечкой пальца он нежно провёл по подбородку Тан Юйхуэя и равнодушно бросил:

— Ну, помнишь так помнишь.

Зная, что Тан Юйхуэй мучится похмельем, Кан Чжэ на удивление рано встал, сходил на рынок за кашей и маленькими масляными булочками. Хотя у Тан Юйхуэя совсем не было аппетита, Кан Чжэ заставил его поесть.

С трудом запихивая в себя еду, Тан Юйхуэй, сам не зная почему, внезапно задал вопрос, который давно его мучил:

— Почему ты в WeChat назвал себя Маленький принц Кхама? Непохоже на тебя.

К своему удивлению, Тан Юйхуэй увидел, как Кан Чжэ на мгновение замер. Это было так мило, что Тан Юйхуэй почти забыл, о чём спросил — ему очень захотелось поцеловать его.

Кан Чжэ усмехнулся:

— Это не я, это мой козлик. Ты же видел его около дома, не узнал? Ему всего три года, зовут

Цзясэ, что на тибетском значит «принц». Его отец — красавец, мать — тоже красавица. Они — королевская пара в стаде. — Он взглянул на Тан Юйхуэя и медленно произнёс: — К тому же, разве я не поставил его фото на аватарку? Как ты мог подумать, что речь обо мне?

О небо, это было слишком мило. Тан Юйхуэй не знал, уместно ли такое сейчас, но всё же решил последовать зову сердца. «В конце концов, не ударит же меня Кан Чжэ», — мелькнуло у него в голове. Он, пропитанный утренним согревающим теплом, как и желал, достиг астероида B612[1] в районе Кхама, планета Земля, и коснулся губами истинного Маленького принца. Кан Чжэ почти не отреагировал, лишь медленно моргнул, глядя на Тан Юйхуэя. Тот, покраснев, отстранился, опустил голову и, запинаясь, попытался оправдаться:

— Да кто угодно подумал бы, что ты говоришь о себе!

[1] B612 вымышленный астероид, являющийся домом для главного героя сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Кан Чжэ безразлично усмехнулся:

— Ну, как скажешь. У меня в WeChat'е полно народу, но ты первый, кто спросил об этом.

Тан Юйхуэй вздохнул про себя: «Потому что все остальные по умолчанию решили, что ты так называешь именно себя. Это ты, точно ты, и ты делаешь так нарочно».

Кан Чжэ, недовольный тем, что Тан Юйхуэй ест слишком медленно, отобрал у него одну булочку и спокойно сказал:

— Ешь не торопясь. Тогда нам сегодня вообще не придётся никуда идти.

Тан Юйхуэй, у которого отняли единственную отраду, с набитым ртом мрачно уставился на свою булочку и вяло произнёс:

— А куда нам надо?

— Сегодня едем на озеро Мугэцо, — сказал Кан Чжэ. — Мои родители утром звонили, велели свозить тебя куда-нибудь.

Тан Юйхуэй протянул: «О-о» и с чувством сказал:

— Дядя и тётя такие хорошие!

Кан Чжэ откусил от булочки и весьма небрежно согласился:

— Ага.

На этот раз Тан Юйхуэй, следуя за Кан Чжэ, не спрашивал про необходимость покупать билеты. Кан Чжэ провёл его на территорию парка, и Тан Юйхуэй искренне восхитился:

— Как же хорошо быть местным!

Кан Чжэ взглянул на него, едва заметно усмехнулся:

— Надеюсь, ты и дальше будешь так думать.

На самом деле, Тан Юйхуэй изначально не питал особых надежд — Кан Чжэ всегда с неохотой водил его смотреть достопримечательности, — и в этот раз всю дорогу отпуская колкости о Мугэцо, словно чрезмерный восторг Тан Юйхуэя по поводу подобных мест был стандартным проявлением туристического невежества. Но, стоя перед тёмно-синими водами озера, в которых играло чешуйчатое золото, Тан Юйхуэй, глядя на выражение лица Кан Чжэ, подумал: «Ты ведь явно этим гордишься».

Тан Юйхуэй не знал, всегда ли так бывает, но высокогорные озёра словно несли в себе нечто божественное. Эта красота и впрямь казалась неземной — такой самое место в мифах и погребальных песнях. Неудивительно, что о подобных местах сложено столько легенд. Перед ними простирались в вечность те самые бескрайние горы и реки, что наполняли древние сказания. Семицветное озеро в форме полумесяца отражало почти точную копию небесного свода и горных пейзажей. Свет этот насыщал воду, как по шёлку выписывал под лёгким ветром нежные золотые волны, и, кроме мягкой ряби, не оставалось никакого следа в этой тишине.

Тан Юйхуэй мог бы тут же сочинить сказку: наверняка ночью здесь появляются грешники или божества, тайком вылавливающие луну из воды. Он незаметно встал ближе к Кан Чжэ. Неподалеку от них стояла пара туристов, вероятно, влюблённые. Девушка специально надела длинное ярко-красное платье, которое, словно молитвенный флажок, развевалось перед мерцающей гладью озера, а парень, приседая в разных позах, фотографировал её.

— Можно я встану рядом с тобой? — шёпотом спросил Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ повернулся к нему. «Вот оно, — подумал Тан Юйхуэй. — Теперь эта убегающая, полная золота вода течёт в глазах Кан Чжэ». Он увидел, как на лице Кан Чжэ отразилось недоумение.

— Разве ты не стоишь рядом со мной?

Тан Юйхуэй сделал шаг, почти поравнявшись с Кан Чжэ:

— Теперь чуть ближе.

Кан Чжэ ничего не ответил и повернулся к озеру. Он долго смотрел на водную гладь и впервые понял смысл золотистой ряби. «Тан Юйхуэй не очень-то смелый, — подумал он, — и часто с кажущейся наивностью выказывает свой страх. Но стоит ему переступить какую-то невидимую черту, как в нём пробуждается отвага, подобная той, что нужна на узкой тропе над пропастью. И впрямь удивительный человек».

Озёрная гладь была словно изнанка неба. Кан Чжэ, подчинившись естественному ходу вещей, словно проплыл сквозь эту зыбь, вписав недостающий фрагмент в пустоту, окаймлённую лунным золотом. «Бывают же люди, трепещущие в тот миг, когда их берут за руку», — спокойно подумал Кан Чжэ. Глядя на озёрную гладь, подобную убывающей луне, он тихо произнёс:

— Вставай ещё ближе.

Автору есть что сказать. О слове «принц». В лхасском диалекте оно произносится как *gyae se*, а в диалекте региона Кхам — *jiag si*. Я транскрибирую это китайскими иероглифами как 噶 (Цзясэ). Эту информацию я нашла на Baidu, так что не уверена в её точности.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130175>